

ОСОБЕННОСТИ ВОЛЕВОЙ РЕГУЛЯЦИИ У ТУВИНЦЕВ В УСЛОВИЯХ УРБАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

ШЛЯПНИКОВ В.Н.

*Московский институт психоанализа (НОЧУ ВО «МИП»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4301-4229>, e-mail: shlyapnikov.vladimir@gmail.com*

В статье приводятся результаты исследования особенностей волевой регуляции у представителей различных поколений тувинцев, проживающих в городе и селе. В исследовании приняли участие 773 человека из Эрзина (185 чел.), Мугур-Аксы (266 чел.), Кызыла (173 чел.) и Москвы (149 чел.). Возраст респондентов: от 18 до 22 лет (203 чел.), от 23 до 35 лет (184 чел.), от 36 до 60 лет (223 чел.), старше 61 года (163 чел.). Для диагностики состояния волевой регуляции у респондентов использовались: «Шкала контроля за действием» Ю. Куля; «Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении»; методика самооценки волевых качеств личности; тест смысловых ориентаций. Жители города и села значительно различаются между собой по показателям «Шкалы контроля за действием», эмоционального и поведенческого самоконтроля, самооценкам волевых качеств личности, теста СЖО. Представители старшего и младшего поколений значительно различаются между собой по показателям поведенческого самоконтроля, самооценкам волевых качеств личности, теста СЖО. Наибольшие различия показателей воли между поколениями наблюдаются у тувинцев, проживающих в Москве. Результаты одномерного дисперсионного анализа (ANOVA) позволяют заключить, что различия показателей волевой регуляции обусловлены различиями показателей теста СЖО.

Ключевые слова: воля, волевая регуляция, самоконтроль, саморегуляция, волевые качества, кросс-культурный подход, образ жизни, тувинцы.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00597, <https://rscf.ru/project/21-18-00597/>.

Для цитаты: Шляпников В.Н. Особенности волевой регуляции у тувинцев в условиях урбанизации общества // Экспериментальная психология. 2023. Том 16. № 1. С. 152—166. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2023160109>

FEATURES OF VOLITIONAL REGULATION AMONG TUVANS IN THE CONDITIONS OF URBANIZATION OF SOCIETY

VLADIMIR N. SHLYAPNIKOV

*Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4301-4229>, e-mail: shlyapnikov.vladimir@gmail.com*

The article presents the results of a study of the features of volitional regulation among representatives of various generations of Tuvans living in the urban and rural regions. The study involved 773 people from
CC BY-NC

Erzin (185 people), Mugur-Aksa (266 people), Kyzyl (173 people) and Moscow (149 people). Age of respondents: from 18 to 22 years old (203 people), from 23 to 35 years old (184 people), from 36 to 60 years old (223 people), over 61 years old (163 people). To evaluate the individual characteristics of volitional regulation in the respondents, the following techniques were used: the “Action Control Scale” by J. Kuhl; the “Questionnaire for revealing the expression of self-control in the emotional sphere, activity and behavior”; the technique for self-assessment of volitional traits; the Purpose in Life Test. Representatives of the older and younger generations differ significantly from each other in terms of behavioral self-control, self-assessments of the volitional qualities of the individual, and the PLT test. The greatest differences in self-indicators between generations are observed among residents of Moscow. The results of a one-dimensional analysis of variance allow us to conclude that the differences in the indicators of volitional regulation are due to differences in the indicators of the PLT test.

Keywords: volition, volitional regulation, will, willpower, self-control, self-regulation, volitional traits, cross-cultural approach, lifestyle, Tuvans.

Funding. This work was supported by Russian Science Foundation (project No 21-18-00597. See details: <https://rscf.ru/project/21-18-00597/>).

For citation: Shlyapnikov V.N. Features of Volitional Regulation among Tuvans in the Conditions of Urbanization of Society. *Ekspierimetal'naya psikhologiya = Experimental Psychology (Russia)*, 2023. Vol. 16, no. 1, pp. 152–166. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2023160109> (In Russ.).

Введение

Изучение психологических механизмов волевой регуляции остается актуальной задачей для современной науки. За последние десятилетия был достигнут значительный прогресс в изучении механизмов волевого самоконтроля (G. Ainslie, P. Баумайстер), реализации намерений в действии (Ю. Куль, X. Хекхаузен), произвольной мотивации (В.А. Иванников), развития воли в онтогенезе (Т.И. Шульга, А.В. Быков, О.Е. Смирнова) [8; 25; 26; 27]. Была показана связь воли с успешностью различных видов деятельности: учебной, профессиональной, спортивной и пр. [20]. Тем не менее, в науке до сих пор не сложилось единого подхода к определению понятия воли, его критериев, а также места среди других психических явлений.

Вслед за В.А. Иванниковым, мы предлагаем рассматривать волю как высшую психическую функцию, которая состоит в сознательном и произвольном управлении побуждением: торможении нежелательных импульсов и усилении целевых намерений [4]. Необходимость в волевой регуляции возникает в связи с групповым (социальным) образом жизни, когда перед человеком встает задача организации своей деятельности и поведения в соответствии с требованиями и ожиданиями других людей. В результате может возникать конфликт между различными уровнями детерминации поведения, в частности социально-нормативным и личностно-смысловым [5; 8].

В связи с этим волю можно рассматривать как социальную форму психической регуляции субъекта, в формировании которой принимает участие группа:

- во-первых, предъявляя человеку набор требований или образцов (эталонов) поведения (что я должен делать?);
- во-вторых, предлагая человеку систему социальных представлений и ценностей, выполняющих смыслообразующую функцию (зачем я должен это делать?);
- в-третьих, предоставляя человеку набор социокультурных средств и способов управления собой и своими психическими процессами (как я должен это делать?).

Поскольку между социальными группами существуют значительные культурные различия, возникает вопрос: существуют ли культурно-специфические формы волевой регуляции, в частности этнокультурные? Результаты кросс-культурных исследований, несмотря на небольшое их количество, позволяют дать скорее утвердительный ответ на этот вопрос [1; 6; 28; 29]. Представители различных этнических групп РФ различаются между собой по показателям волевой регуляции (самооценке волевых качеств, волевому самоконтролю, а также типу волевой регуляции, по Ю. Кулю): наибольшие значения наблюдаются у тувинцев, татар, башкир, а наименьшие — у русских (Москва), коми, марийцев [6; 21]. Тем не менее, в силу высокой разнородности сравниваемых групп возникает вопрос: чем конкретно обусловлены эти различия?

Отчасти они могут быть связаны с особенностями региона проживания группы. Например, у жителей регионов с тяжелыми условиями для жизни, приравненными к крайнему северу (коми, тувинцы), показатели самоконтроля выше, чем у жителей средней полосы (русские, марийцы) [6; 21]). Вместе с этим наблюдаются значимые различия между представителями различных этнических групп, проживающих в одном регионе, например, между татарами и башкирами из Уфы или русскими и тувинцами из Москвы, что позволяет предположить наличие этнокультурной специфики воли у представителей данных групп [21; 22]. В пользу этого предположения свидетельствует наличие положительных связей между показателями волевой регуляции и приверженностью традиционному образу жизни. Показатели волевой самооценки и самоконтроля в среднем выше у респондентов, оценивающих свой образ жизни как близкий традиционному образу жизни своего народа, чем у респондентов, оценивающих свой образ жизни как более близкий к современному [24]. Также прослеживается связь между волевой регуляцией и этнической идентичностью. Принятие своей этнической принадлежности, традиционной культуры и образа жизни своего народа позитивно коррелирует с показателями волевой самооценки и самоконтроля [19]. У жителей сельских регионов, чьи образ жизни и деятельность ближе к традиционным, показатели воли выше, чем у городских жителей [23].

В связи с этим можно предположить, что кросс-культурные различия волевой регуляции связаны с особенностями образа жизни группы. Чтобы проверить это предположение, необходимо исследовать волевою регуляцию в процессе трансформации образа жизни этнической группы.

С этой целью мы обратились к изучению тувинского этноса, представителям которого удалось сохранить свои уникальную культурную идентичность и образ жизни, несмотря на интенсивное влияние соседних культур (русской и тибето-буддийской) [11]. С момента присоединения Тувы к СССР в 1944 г. в регионе наблюдается интенсивная урбанизация, которая привела к значительным изменениям структуры занятости населения и образа жизни [3; 17]. На рубеже XX и XXI вв. в республике начался устойчивый рост национального самосознания, интереса к традиционной культуре, религии, возрождению традиционных форм социального взаимодействия [12]. Как отмечают исследователи, своеобразную форму в республике приобретают процессы цифровизации: информационно-коммуникационные технологии становятся средством сохранения традиционного образа жизни [10].

Таким образом, современное тувинское общество характеризуется сочетанием процессов модернизации и архаизации. Жители сёл, занятые преимущественно в традиционных, сельскохозяйственных видах деятельности, сохраняют многие черты традиционного образа жизни, тогда как жители городов, занятые преимущественно в производстве товаров и оказании услуг, ведут современный образ жизни [3]. Еще один срез трансформации общества —

это межпоколенные различия. Старшее поколение характеризуется большей социальной инертностью и низкой чувствительностью к изменениям, тогда как младшее поколение — напротив, большей мобильностью и высокой чувствительностью к изменениям [15].

В связи с этим **цель** данной работы состояла в изучении особенностей волевой регуляции у представителей различных поколений тувинцев, проживающих в городе и селе.

Методы

Описание выборки. Сравнивались тувинцы, проживающие в трех населенных пунктах Республики Тыва, а также в Москве:

Тувинцы, жители с. Эрзин — административного центра Эрзинского района Республики Тыва (численность населения — 3 тыс. чел.). Представители данной группы — сельские жители, их основное занятие — сельское хозяйство, оседлое животноводство, что является традиционным видом деятельности для тувинского народа.

*Тувинцы, жители с. Мугур-Аксы*¹ — административного центра Монгу-Тайгинского района Республики Тыва (численность населения — 4,5 тыс. чел.). Представители данной группы — сельские жители, их основное занятие — сельское хозяйство, выпас яков на высокогорных пастбищах, охота, что является традиционными видами деятельности для тувинского народа.

Тувинцы, жители г. Кызыла — столицы Республики Тыва (численность населения — 120 тыс. чел.). Основное занятие респондентов данной группы — сфера услуг (образование, здравоохранение, социальная сфера, торговля). Благодаря урбанизации и индустриализации образ жизни жителей Кызыла претерпел существенные изменения. Тем не менее, благодаря политике Правительства Республики Тыва элементы традиционного образа жизни после 90-х гг. постепенно возвращаются в жизнь жителей Кызыла.

Тувинцы, жители г. Москвы — столицы РФ (численность населения — 12 млн. чел.). Основное занятие респондентов данной группы — сфера услуг (образование, здравоохранение). В условиях современного мегаполиса образ жизни представителей данной группы неизбежно претерпел существенные изменения. Тем не менее, благодаря общинному центру тувинцам, проживающим в Москве, удается поддерживать связь с традиционной культурой своего народа.

Также выборка была разбита на четыре возрастные группы, в первую очередь, в соответствии с местом респондентов в общественном производстве.

От 18 до 22 лет — в основном представлены учащимися и студентами, рожденными и воспитанными в XXI веке; представители «цифрового поколения», «поколения Z».

От 23 до 35 лет — «молодежь», представлены молодыми специалистами, рожденными в «лихие 90-е»; поколение «миллениалов», «поколение Y».

От 36 до 60 лет — респонденты зрелого возраста, специалисты, рожденные и воспитанные в советское время; «поколение перестройки», «поколение X».

Старше 61 года — респонденты пенсионного возраста, рожденные и воспитанные в советское время; «поколение застоя»; «бэби-бумеры».

В табл. 1 приставлено распределение респондентов по группам (группы были сбалансированы по полу).

¹ Жителям Эрзина и Мугур-Аксы удалось сохранить многие черты традиционного образа жизни народа.

Таблица 1

Распределение респондентов по группам сравнения

Возраст	Эрзин	Мугур-Аксы	Кызыл	Москва
От 18 до 22 лет	35	82	35	51
От 23 до 35 лет	39	48	56	41
От 36 до 60 лет	73	64	54	32
Старше 61 года	38	72	28	25
Всего	185	266	173	149

Всего в исследовании приняли участие 773 человека. Все респонденты проживают в регионе с рождения, за исключением респондентов из Москвы, которые переехали сюда не менее 5 лет назад.

Методы исследования. Состояние волевой регуляции респондентов оценивалось с помощью методик: «Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении» (Г.С. Никифоров, В.К. Васильева, С.В. Фирсова) [9]; субшкала «Контроль за действием при планировании» Ю. Куля в адаптации С.А. Шапкина [18]; модификация методики самооценки Дембо-Рубинштейн, предложенной В.А. Иванниковым и Е.В. Эйдманом (анализировался только общий балл волевой самооценки, который складывался из самооценок 20 волевых качеств) [7].

Для оценки состояния смысловой сферы респондентов использовался тест смысловых ориентаций (СЖО). Анализировался только общий показатель (Леонтьев, 2000) [14].

Процедура. Исследование проводилось в 2021–2022 гг. Респонденты заполняли опросники на русском языке в индивидуальном порядке в присутствии исследователя. Участие в исследовании носило добровольный характер, за участие в нем респондентам выдавалось денежное вознаграждение. С целью статистической обработки полученных данных использовалась программа IBM SPSS Statistics v. 23.01.

Результаты

В табл. 2 приведены значения описательных статистик показателей волевой регуляции и теста СЖО в сравниваемых группах.

Таблица 2

Описательные статистики показателей волевой регуляции и теста СЖО в сравниваемых группах

Населенный пункт	Возраст	ШКД		ЭСК		ПСК		ССК		СОВК		ТСЖО	
		М	SD	М	SD	М	SD	М	SD	М	SD	М	SD
Эрзин	От 18 до 22 лет	7,14	2,75	13,70	2,67	18,13	3,75	18,00	3,74	79,84	15,10	112,18	18,60
	От 23 до 35 лет	7,49	2,52	14,00	2,70	19,23	3,15	18,86	3,41	84,14	13,87	113,09	18,24
	От 36 до 60 лет	6,79	2,55	13,57	2,98	19,52	3,31	17,98	3,50	83,42	16,37	116,33	19,77

Населенный пункт	Возраст	ШКД		ЭСК		ПСК		ССК		СОВК		ТСЖО	
		М	SD	М	SD	М	SD	М	SD	М	SD	М	SD
	Старше 61 года	7,50	2,51	13,44	2,92	19,52	2,68	19,04	3,20	90,33	9,12	112,13	24,66
	Вся выборка	7,15	2,57	13,68	2,82	19,18	3,27	18,36	3,48	83,99	14,71	114,06	19,84
Мугур-Аксы	От 18 до 22 лет	6,76	2,55	12,96	3,00	17,46	3,75	17,39	3,21	80,43	12,69	103,88	17,91
	От 23 до 35 лет	7,08	2,66	13,90	2,89	18,50	3,74	18,31	3,19	85,81	8,76	108,35	19,51
	От 36 до 60 лет	7,13	2,47	13,39	2,53	18,95	3,18	17,89	3,45	80,91	11,17	106,30	17,84
	Старше 61 года	7,03	2,38	12,92	2,68	20,42	2,89	18,13	2,77	82,94	14,32	106,86	16,88
	Вся выборка	6,98	2,50	13,22	2,80	18,80	3,57	17,88	3,16	82,19	12,29	106,07	17,90
	От 18 до 22 лет	7,09	3,21	13,51	2,95	18,74	3,74	18,20	3,27	75,43	18,26	105,03	21,19
Кызыл	От 23 до 35 лет	7,13	2,44	13,30	2,28	18,61	3,07	18,27	3,84	81,52	11,49	111,80	20,41
	От 36 до 60 лет	5,74	3,17	13,39	2,70	18,76	3,67	17,74	3,24	80,44	11,22	111,24	21,02
	Старше 61 года	6,50	3,38	13,18	3,15	18,61	3,91	17,61	3,38	80,79	12,98	102,82	20,32
	Вся выборка	6,58	3,03	13,35	2,68	18,68	3,51	17,98	3,45	79,83	13,36	108,80	20,89
	От 18 до 22 лет	5,37	2,83	12,16	2,23	16,52	3,61	16,76	3,78	76,59	11,36	91,52	21,10
Москва	От 23 до 35 лет	5,61	2,33	12,29	3,21	15,76	4,70	17,13	3,12	73,86	14,49	97,90	17,11
	От 36 до 60 лет	6,50	2,72	13,38	2,50	20,20	2,49	19,56	3,40	86,63	10,39	115,33	15,59
	Старше 61 года	6,33	2,08	14,00	1,41	23,00	1,41	19,33	3,79	78,33	4,62	112,50	0,71
	Вся выборка	5,60	2,60	12,36	2,68	16,76	4,26	17,27	3,56	76,42	12,87	97,90	19,79
	От 18 до 22 лет	6,53	2,84	12,99	2,81	17,61	3,76	17,49	3,45	78,56	14,06	103,37	19,75
Вся выборка	От 23 до 35 лет	6,85	2,56	13,39	2,80	18,10	3,84	18,18	3,46	81,51	12,66	108,96	19,76
	От 36 до 60 лет	6,60	2,75	13,45	2,71	19,15	3,34	17,96	3,40	81,74	12,85	110,56	19,57
	Старше 61 года	7,04	2,63	13,10	2,81	19,86	3,16	18,21	3,02	83,76	13,35	106,66	18,78
	Вся выборка	6,73	2,71	13,24	2,78	18,60	3,65	17,93	3,37	81,15	13,35	107,44	19,66

Примечание: ШКД – «Шкала контроля за действием»; ЭСК – эмоциональный самоконтроль; ПСК – поведенческий самоконтроль; ССК – социальный самоконтроль; СОВК – суммарный балл самооценки волевых качеств; ТСЖО – тест СЖО; М – среднее; SD – дисперсия.

Для оценки значимости различий между группами использовался t-критерий Стьюдента². Результаты этого анализа приведены в табл. 3 и 4.

Таблица 3
Результаты попарного сравнения жителей различных населенных пунктов (t-критерий)

Населенный пункт		ШКД	ЭСК	ПСК	ССК	СОВК	ТСЖО
Эрзин	Мугур-Аксы	0,17391	0,45979	0,37635	0,48694	1,79262	7,98386*
	Кызыл	,56754*	0,32983	0,49804	0,37976	4,15270*	5,25209*
	Москва	1,55135*	1,32329*	2,41720*	1,09163*	7,56619*	16,15760*
Мугур-Аксы	Кызыл	0,39363	-0,12996	0,12169	-0,10719	2,36008	-2,73177
	Москва	1,37744*	,86350*	2,04085*	0,60469	5,77356*	8,17374*
Кызыл	Москва	,98382*	,99346*	1,91916*	0,71187	3,41348*	10,90551*

Примечание: «*» – $p < 0,05$; «**» – $p < 0,01$ (так во всех таблицах).

Таблица 4
Результаты попарного сравнения представителей различных возрастных групп (t-критерий)

Возрастные группы		ШКД	ЭСК	ПСК	ССК	СОВК	ТСЖО
От 18 до 22 лет	От 23 до 35 лет	-0,32124	-0,40155	-0,48905	-0,68635	-2,94796*	-5,58471*
	От 36 до 60 лет	-0,06997	-0,45443	-1,53860*	-0,4675	-3,17600*	-7,18831*
	Старше 61 года	-0,50344	-0,10461	-2,25041*	-0,72434	-5,19927*	-3,2896
От 23 до 35 лет	От 36 до 60 лет	0,25127	-0,05288	-1,04956*	0,21885	-0,22805	-1,6036
	Старше 61 года	-0,1822	0,29694	-1,76136*	-0,03799	-2,25132	2,29511
От 36 до 60 лет	Старше 61 года	-0,43347	0,34982	-0,7118	-0,25684	-2,02327	3,89871

Для оценки влияния факторов «Возраст» и «Поселение» на состояние волевой регуляции использовался одномерный дисперсионный анализ (ANOVA), результаты которого приведены в табл. 5. Поскольку значения показателей волевой регуляции тесно связаны со значениями теста СЖО, а сравниваемые группы значимо различаются по этому показателю, был проведен дисперсионный анализ с контролем ковариаты «Тест СЖО».

Как можно видеть из представленных таблиц, сравниваемые группы различаются между собой по исследуемым показателям.

Жители сравниваемых поселений значимо различаются по показателям «Шкалы контроля за действием»: наибольшие показатели наблюдаются у жителей Эрзина, а наименьшие – у тувинцев, проживающих в Москве (см. табл. 2 и 3). Значимых различий между возрастными группами по данному показателю не обнаружено (см. табл. 2 и 4). Результаты дисперсионного анализа показали наличие значимого влияния фактора «Поселение» на данную переменную. Однако при условии контроля ковариаты «тест СЖО», это влияние оказывается незначимым (см. табл. 5). Это позволяет предположить, что различия между группами обусловлены разным уровнем показателей теста СЖО у респондентов, проживающих в разных поселениях: наибольшие показатели на-

² Тесты Колмогорова–Смирнова и Левиня показали наличие нормального распределения и равенства дисперсий показателей, что позволило нам использовать методы параметрической статистики.

Таблица 5

Результаты одномерного дисперсионного анализа

Фактор	df	С ковариатой (тест СЖО)		Без ковариаты	
		F	OP	F	OP
Шкала контроля за действием					
Поселение	3	1,46	0,39	3,017*	0,71
Возраст	3	0,59	0,17	0,40	0,13
Поселение X Возраст	9	1,11	0,56	1,10	0,55
Эмоциональный самоконтроль					
Поселение	3	2,09	0,54	0,80	0,22
Возраст	3	0,78	0,22	0,45	0,14
Поселение X Возраст	9	0,70	0,35	0,56	0,28
Поведенческий самоконтроль					
Поселение	3	0,45	0,14	0,38	0,13
Возраст	3	7,291**	0,98	8,432**	0,99
Поселение X Возраст	9	1,788**	0,81	2,734**	0,96
Социальный самоконтроль					
Поселение	3	0,74	0,21	0,85	0,24
Возраст	3	2,10	0,54	1,48	0,39
Поселение X Возраст	9	1,21	0,60	1,04	0,52
Самооценка волевых качеств					
Поселение	3	2,63*	0,64	4,071**	0,85
Возраст	3	1,50	0,40	3,593**	0,79
Поселение X Возраст	9	1,35	0,66	1,911*	0,84

блюдаются у жителей Эрзина, а наименьшие — у тувинцев, проживающих в Москве (см. табл. 1 и 3).

Жители сравниваемых поселений значимо различаются по урону эмоционального самоконтроля: наименьшие показатели наблюдаются у тувинцев, проживающих в Москве (см. табл. 2 и 3). Значимых различий между возрастными группами по данному показателю не обнаружено (см. табл. 2 и 4). Тем не менее, результаты дисперсионного анализа не показали наличия значимого влияния фактора «Поселение» на данную переменную (см. табл. 5).

Жители сравниваемых поселений значимо различаются по урону поведенческого самоконтроля: наименьшие показатели наблюдаются у тувинцев, проживающих в Москве (см. табл. 2 и 3). Также были обнаружены значимые различия по данному показателю у представителей различных возрастных групп: наибольшие показатели наблюдаются у респондентов старше 35 лет, а наименьшие — у респондентов моложе 35 лет (см. табл. 2 и 3). Результаты дисперсионного анализа показали наличие значимого влияния фактора «Возраст» на данную переменную, а также взаимодействия факторов «Возраст» и «Поселение», которые сохраняются и при условии контроля ковариаты «тест СЖО» (см. табл. 5). Как видно из рис. 1, у жителей Кызыла различия показателей поведенческого самоконтроля между представителями разных возрастных групп практически отсутствуют, у жителей Эрзина и Мугур-Аксы — умеренно выражены, а у тувинцев, проживающих в Москве, — сильно выражены.

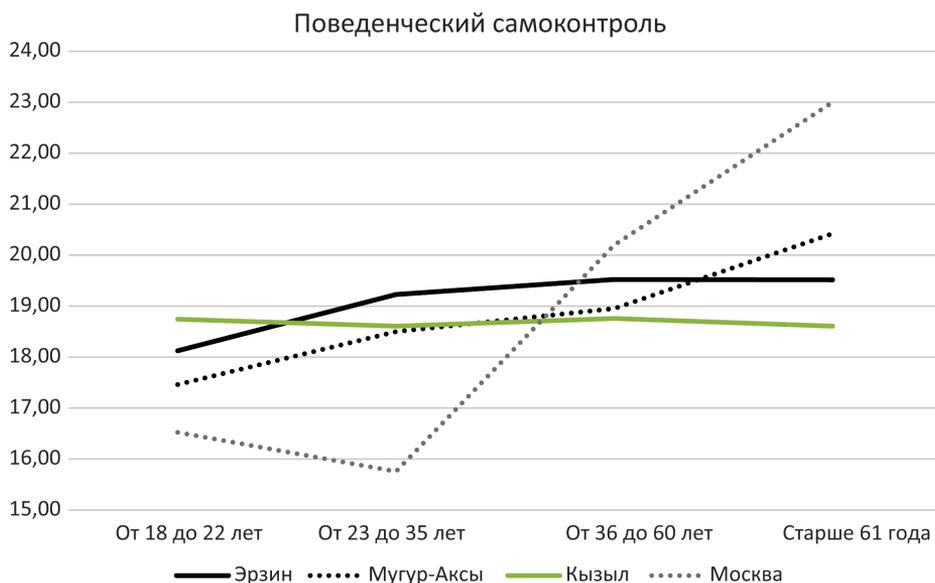

Рис. 1. Среднегрупповые значения показателей поведенческого самоконтроля представителей различных поколений тувинцев, проживающих в городе и селе

Жители сравниваемых поселений значительно различаются по уровню социального самоконтроля: наибольшие показатели наблюдаются у жителей Эрзина, а наименьшие — у тувинцев, проживающих в Москве (см. табл. 2 и 3). Значимых различий между возрастными группами по данному показателю не обнаружено (см. табл. 2 и 4). Результаты дисперсионного анализа не показали наличия значимого влияния фактора «Поселение» на данную переменную (см. табл. 5).

Жители сравниваемых поселений значительно различаются по уровню самооценки волевых качеств: наименьшие показатели наблюдаются у тувинцев, проживающих в Москве (см. табл. 2 и 3). Также были обнаружены значимые различия по самооценке у представителей различных возрастных групп: наименьшие показатели наблюдаются у респондентов моложе 22 лет (см. табл. 2 и 4). Результаты дисперсионного анализа показали наличие значимого влияния факторов «Возраст» и «Поселение» на данную переменную, а также их взаимодействия. Тем не менее, при условии контроля ковариаты «тест СЖО», значимым остается только влияние фактора «Поселение». Это позволяет предположить, что различия между группами, в первую очередь, обусловлены различным уровнем показателей теста СЖО у представителей разных возрастных групп: у людей моложе 22 лет он ниже, чем в других группах (см. табл. 2 и 4). Как видно из рис. 2, у жителей Эрзина и Москвы различия показателей самооценки волевых качеств между представителями разных возрастных групп выражены сильнее, а у жителей Кызыла и Мугур-Аксы — слабее.

Таким образом, полученные результаты позволяют заключить, что различия показателей состояния волевой регуляции в сравниваемых группах обусловлены: в случае «Шкалы контроля за действием» — фактором «Поселение», в случае поведенческого самоконтроля — фактором «Возраст», в случае самооценки волевых качеств — обоими факторами. Наибольшие различия показателей воли между поколениями наблюдаются у тувинцев, проживающих в Москве. Влияние фактора «Поселение» обусловлено, в первую очередь, различиями показателей теста СЖО в регионах.

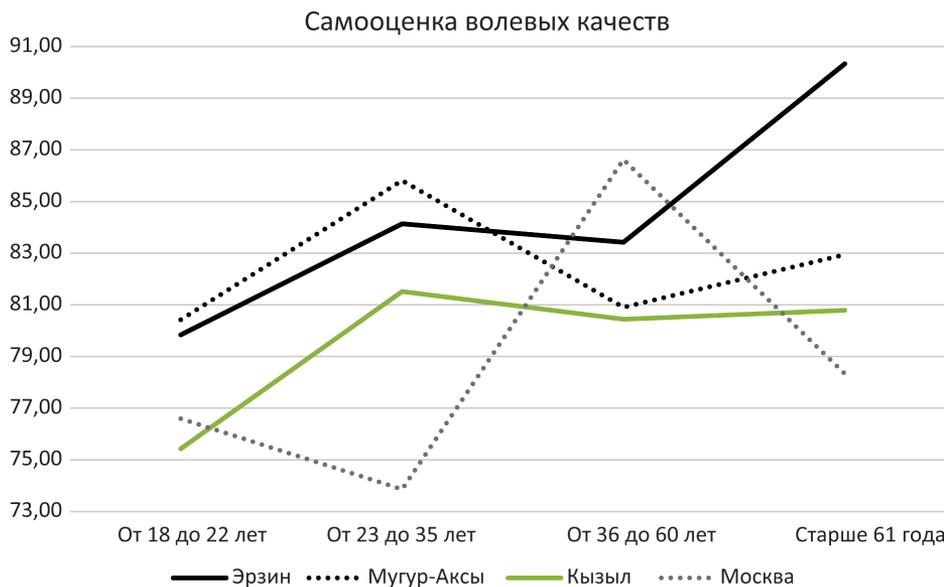

Рис. 2. Среднегрупповые значения самооценки волевых качеств личности у представителей различных поколений тувинцев, проживающих в городе и селе

Обсуждение результатов

Полученные результаты показали, что у жителей городов (Москва, Кызыл) преобладает ориентация на состояние, а у жителей села (Эрзин, Мугур-Аксы) — ориентация на действие. Данный факт указывает, что жителям городов чаще, чем сельским жителям, приходится прибегать к волевому усилию и сознательному самоконтролю в своей деятельности, что согласуется с результатами других исследований [22; 23]. Ю. Куль определяет «ориентацию на состояние» как менее эффективную форму волевой регуляции, что объясняет более низкие показатели самоконтроля в деятельности и самооценки волевых качеств у городских жителей по сравнению с сельскими [27]. Можно предположить, что это состояние — сочетание ориентации на состояние и снижения самоконтроля и самооценки — является результатом урбанизации тувинского общества и внутренней миграции из деревни в город. Оно свидетельствует о том, что потребность в волевой регуляции у жителей города выше, чем у жителей села.

Ориентация на состояние является ответом на сложность задачи, превосходящую возможности субъекта [27]. Наряду с этим снижение способности к самоконтролю является результатом утомления, истощения энергетических ресурсов волевой регуляции [26]. Соответственно можно предположить, что описанные особенности волевой регуляции городских жителей являются ответом на усложнение жизни и деятельности жителей городов.

В связи с этим встает вопрос, чем обусловлена эта сложность? Очевидно, речь идет не об объективных условиях жизни, которые, согласно данным мониторинга качества жизни, по целому ряду климатических, социальных и экономических показателей в Туве ниже, чем в Москве [16]. Полученные результаты позволяют предположить, что различия между городом и селом обусловлены в первую очередь смысловыми факторами (см. табл. 4). Несмотря на объективно более сложные условия, осмысленность жизни у жителей Эрзина и Мугур-Аксы значимо выше, чем у жителей Кызыла и особенно Москвы (см. табл. 2 и 3).

Источниками осмысленности жизни у сельских жителей могут выступать традиционные виды деятельности (сельское хозяйство), традиционные формы социального взаимодействия, а также традиционные ценности и представления о мире, в том числе религиозные. Как отмечает А.С. Обухов, традиционная культура предлагает человеку простую и понятную картину мира, стабильные нормативы социальных, в том числе межпоколенческих, взаимодействий, естественно-рациональную организацию уклада жизни, которые обеспечивают устойчивое бытие и развитие личности в мире [15]. В процессе развития общества образ мира становится более сложным и неоднозначным, возникают новые ценности и смыслы, усложняются деятельность и механизмы ее регуляции [2]. В связи с этим можно предположить, что особенности волевой регуляции жителей города — это, в первую очередь, результат усложнения смысловых отношений человека с миром в городской среде.

Это предположение хорошо согласуется со смысловой концепцией волевой регуляции В.А. Иванникова, согласно которой необходимость в волевой регуляции возникает в результате смыслового конфликта [4; 8]. Согласно А.Н. Леонтьеву, — это конфликт между различными отношениями и мотивами, реализуемыми в действии: «наглядными» и «идеальными», «физическими» и «социальными» [13]. По Ю. Кулю, источником этого конфликта выступает противоречие между «Я-концепцией» и «имплицитной личностью» [30]. У городских жителей необходимость в волевой регуляции может возникать в результате конфликта между смысложизненными ориентациями, основанными на коллективном опыте, усваиваемом в процессе воспитания, и личным опытом, приобретаемым в ходе жизни.

Таким образом, можно заключить, что в процессе урбанизации (модернизации) тувинского общества усложняются смысловые механизмы регуляции деятельности, возникает конфликт между различными уровнями регуляции деятельности — социально-нормативным и личностно-смысловым, в результате чего возникает необходимость в волевой регуляции как форме психической регуляции сложных видов деятельности в сложном мире.

Также в исследовании было показано, что тувинцы старшего возраста превосходят молодежь по выраженности самоконтроля в деятельности и самооценкам волевых качеств. Эти результаты могут свидетельствовать о том, что необходимость обращаться к волевой регуляции у тувинской молодежи возникает чаще, чем у представителей старшего поколения (см. табл. 2 и 4).

Необходимо отметить, что значимый межпоколенческий разрыв наблюдается исключительно в городе — в пространстве интенсивной модернизации общества; а в селе, где преимущественно сохраняются традиционные формы социального взаимодействия, различия эти практически отсутствуют (см. рис 1 и 2). В связи с этим можно предположить, что различия в состоянии волевой регуляции между поколениями обусловлены, в первую очередь, не возрастными, а социокультурными факторами. Результаты дисперсионного анализа подтверждают это предположение: межпоколенческие различия самооенок волевых качеств обусловлены показателями теста СЖО (см. табл. 5). Отмечается, что люди более старшего поколения демонстрируют высокую приверженность традиционным ценностям, тогда как молодежь наиболее чувствительна к воздействию современной массовой культуры [15].

В связи с этим можно предположить, что межпоколенческие различия также отражают изменения волевой регуляции в процессе урбанизации тувинского общества. Необходимость в волевой регуляции у молодых людей выше в силу большей смысловой вариативности и многозначности жизни и деятельности.

Безусловно встает вопрос, являются ли обнаруженные закономерности специфическими для тувинского общества или они отражают универсальные механизмы социогене-

за волевой регуляции деятельности? Результаты кросс-культурных исследований скорее свидетельствуют в пользу второго утверждения [4]. Тем не менее, необходимы дальнейшие исследования этого вопроса.

Заключение

Результаты исследования позволяют сделать ряд заключений. Различия, обнаруженные между группами, могут отражать динамику состояния волевой регуляции в процессе урбанизации (модернизации) тувинского общества. Жители городов, по сравнению с сельскими жителями, в своей деятельности чаще вынуждены прибегать к сознательному волевому усилию, они чаще испытывают проблемы с самоконтролем и чаще сталкиваются с трудностями в процессе реализации намерений в действии. Аналогичные особенности воли можно наблюдать у тувинцев — представителей младшего поколения по сравнению с людьми более старшего возраста. Соответственно можно предположить, что необходимость в волевой регуляции — в сознательном и произвольном управлении побуждением — возникает у тувинцев в процессе трансформации (урбанизации/модернизации) традиционного (сельского) общества как результат усложнения отношений человека с окружающим миром.

Полученные результаты позволяют предположить, что, в первую очередь, эта необходимость связана с изменениями смысловых отношений человека с миром и стоящих за ними традиционных ценностных ориентаций и представлений о мире. В процессе развития общества субъективный образ мира становится более сложным, гетерогенным, изменчивым, вариативным, он утрачивает внутреннюю согласованность, что становится источником смысловых конфликтов [15]. Многие традиционные ценности утрачивают свое прежнее значение, всё большую роль в регуляции деятельности начинают играть личностные смыслы, что обуславливает высокую потребность в волевой регуляции как личностной форме произвольной регуляции [8].

Таким образом, можно предположить, что необходимость в волевой регуляции возникает в ситуации смыслового конфликта — противоречия между различными уровнями детерминации деятельности и поведения: социально-нормативным и личностно-смысловым. В процессе развития общества жизнь человека ставится сложнее — складываются новые отношения, появляются новые виды деятельности, новые мотивы и смыслы, что требует новых форм психической регуляции — воли.

Безусловно, это предположение нуждается в дальнейшей проверке: в изучении источников и содержания смысловых конфликтов у современных тувинцев и представителей других народов РФ, проживающих в городе и в селе, а также их влияния на состояние волевой регуляции.

Литература

1. *Ананьева К.И., Басюл И.А., Высокочил Н.А., Демидов А.А., Шляпников В.Н.* Человек и этнос: восприятие, оценка, саморегуляция. М.: Московский институт психоанализа; Когито-Центр, 2020. 377 с.
2. *Асмолов А.Г.* Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Том 8. № 40. DOI:10.54359/ps.v8i40.550. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1109-asmolov40.html> (дата обращения: 05.12.2022).
3. *Валиахметов Р.М., Баймурзина Г.Р., Туракаев М.С., Самба А.Д.-Б.* Этносоциальные особенности занятости населения в республиках Тува и Башкортостан // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 206–222. DOI:10.25178/nit.2021.4.15
4. *Иванников В.А.* Психологические механизмы волевой регуляции. СПб.: Питер, 2006. 208 с.
5. *Иванников В.А., Шляпников В.Н.* Воля как продукт общественно-исторического развития человечества // Психологический журнал. 2012. Том 33. № 3. С. 111–121.

6. *Иванников В.А., Шлятников В.Н.* Особенности волевой регуляции у представителей разных этнокультурных групп // Экспериментальная психология. 2019. Том 12. № 1. С. 70–84. DOI:10.17759/exppsy.2019120106
7. *Иванников В.А., Эйдман Е.В.* Структура волевых качеств по данным самооценки // Психологический журнал. 1990. Том 11. № 3. С. 39–49.
8. *Иванников В.А., Барабанов Д.Д., Монроз А.В., Шлятников В.Н., Эйдман Е.В.* Место понятия «воля» в современной психологии // Вопросы психологии. 2014. № 2. С. 15–23.
9. *Ильин Е.П.* Психология воли. СПб.: Питер, 2000. 288 с.
10. *Ламажаа Ч.К.* Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. 2021. № 2. С. 115–129. DOI:10.25178/nit.2021.2.10
11. *Ламажаа Ч.К.* Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация тувинцев // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 178–194. DOI:10.25178/nit.2021.3.14
12. *Ламажаа Ч.К.* Основные проблемы исследования родства и родственных групп современных тувинцев: паспортизация, терминология и поддержание родства // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 6–21. DOI:10.25178/nit.2021.4.1
13. *Леонтьев А.Н.* Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000. 511 с.
14. *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000. 18 с.
15. *Обухов А.С.* Психология личности в контексте реалий традиционной культуры. М.: Издательство «Прометей» МПГУ, 2006. 352 с.
16. Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2021 [Электронный ресурс]. МИА Россия сегодня. 2021. URL: https://ria.ru/20220214/kachestvo_zhizni-1772505597.html (дата обращения: 27.10.2022).
17. *Самба А.Д.-Б.* Ретроспективный анализ формирования социально-профессиональной структуры населения Республики Тыва // Новые исследования Тувы. 2022. № 3. С. 135–149. DOI:10.25178/nit.2022.3.10
18. *Шапкин С.А.* Экспериментальное изучение волевых процессов. М.: Смысл, 1997. 140 с.
19. *Шлятников В.Н.* Взаимосвязь показателей состояния волевой регуляции и этнической идентичности // Культурно-историческая психология. 2019. Том 15. № 3. С. 83–90. DOI:10.17759/chp.2019150309
20. *Шлятников В.Н.* Воля: потерянное звено современной зарубежной психологии // Экспериментальная психология. 2022. Том 15. № 1. С. 72–87. DOI:10.17759/exppsy.2022150105
21. *Шлятников В.Н.* Особенности волевой регуляции у кабардинцев, коми, тувинцев и русских // Экспериментальная психология. 2018. Том 11. № 4. С. 107–115. DOI:10.17759/exppsy.2018110409
22. *Шлятников В.Н.* Факторы волевой регуляции у русских и тувинцев, проживающих в Москве и Кызыле // Вопросы психологии. 2020. Том 66. № 2. С. 42–56.
23. *Шлятников В.Н.* Особенности самооценки волевых качеств личности у представителей тувинского этноса // Актуальные проблемы психологического знания. 2021. № 4(57). С. 57–67. DOI:10.51944/2073-8544_2021_4_57.
24. *Шлятников В.Н.* Связь традиционного образа жизни и особенностей состояния волевой регуляции // Актуальные проблемы психологии и педагогики в современном мире: сб. науч. трудов участников IV межвузовской научно-практической конференции, Москва, 04 апреля 2019 года. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2019. С. 151–156.
25. *Ainslie G.* Will power With and Without Effort // Behavioral and Brain Sciences. 2020. Vol. 44. P. 1–81. DOI:10.1017/S0140525X20000357
26. *André N., Audiffren M., Baumeister R.F.* An Integrative Model of Effortful Control // Frontiers in Systems Neuroscience. 2019. Vol. 13. P. 79. DOI:10.3389/fnsys.2019.00079
27. *Baumann N., Kazén M., Quirin M., Koole S.L.* Why People Do the Things They Do: Building on Julius Kuhl's Contributions to the Psychology of Motivation and Volition. Hogrefe Publishing, 2018. 433 p.
28. *Chatterjee M.B., Baumann N., Osborne D., Mahmud S.H., Koole S.L.* Cross-Cultural Analysis of Volition: Action Orientation Is Associated With Less Anxious Motive Enactment and Greater Well-Being in Germany, New Zealand, and Bangladesh // Frontiers in Psychology. 2018. Vol. 9. P. 1043. DOI:10.3389/fpsyg.2018.01043
29. *Kuhl J., Keller H.* Affect-Regulation, Self-development, and Parenting: A Functional-Design Approach to Cross-Cultural Differences / Handbook of Motivation and Cognition across Cultures. Academic Press, 2008. Vol. 1. P. 19–47. DOI:10.1016/B978-0-12-373694-9.X0001-3
30. *Quirin M., Robinson M., Rauthmann J., Kuhl J., Read S., Tops M., Deyoung C.* The Dynamics of Personality Approach (DPA): Twenty Tenets for Uncovering the Causal Mechanisms of Personality // European Journal of Personality. 2020. Vol. 34(6). P. 947–968. DOI:10.1002/per.2295

References

1. Ananyeva K.I., Basul I.A., Vyškochil N.A., Demidov A.A., Shlyapnikov V.N. Chelovek i étnos: vospriyatie, otsenka, samoregulyatsiya [Man and ethnicity: perception, evaluation, self-regulation]. M.: Moscow Institute of Psychoanalysis—Kogito-Tsentr, 2020. 377 p. (In Russ.).
2. Asmolov A.G. Psikhologiya sovremennosti: vyzovy neopredelennosti, slozhnosti i raznoobraziya [Psychology of Modernity: Challenges of Uncertainty, Complexity and Diversity]. *Psikhologicheskie issledovaniya [Psychological Studies]*, 2015. Vol. 8, no. 40, pp. 1. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1109-asmolov40.html> (Accessed 05.12.2022). (In Russ.).
3. Valiakhmetov R.M., Baimurzina G.R., Turakayev M.S., Samba A.D.-B. Etnosotsial'nye osobennosti zaniatosti naseleniia v republikakh Tuva i Bashkortostan [Ethnic and Social Features of Employment in the Republics of Tuva and Bashkortostan]. *New Research of Tuva*, 2021. No. 4, pp. 206–222. DOI:10.25178/nit.2021.4.15 (In Russ.).
4. Ivannikov V.A. Psikhologicheskie mekhanizmy volevoi regulyatsii [Psychological mechanisms of volitional regulation]. SPb.: Piter, 2006. 208 p. (In Russ.).
5. Ivannikov V.A., Shlyapnikov V.N. Volya kak product obshchestvenno-istoricheskogo razvitiya chelovechestva [Volition as a result of social-historical development of humanity]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psikhologicheskii Zhurnal]*, 2012. Vol. 33, no. 3, pp. 111–121. (In Russ.).
6. Ivannikov V.A., Shlyapnikov V.N. Osobennosti volevoj regulyatsii u predstavitelej raznykh jetnokul'turnykh grupp [Features of volitional regulation among representatives of different ethnocultural groups]. *Eksperimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology (Russia)*, 2019. Vol. 12, no. 1, pp. 70–84. DOI:10.17759/exppsy.2019120106 (In Russ.).
7. Ivannikov V.A., Eidman E.V. Struktura volevykh kachestv po dannym samoootsenki [Structure of volitional qualities according to self-assessment data]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psikhologicheskii Zhurnal]*, 1990. Vol. 11, no. 3, pp. 39–49. (In Russ.).
8. Ivannikov V.A., Barabanov D.D., Monroz A.V., Shlyapnikov V.N., Eidman E.V. Mesto ponyatiya «volya» v sovremennoi psikhologii [The role of the notion of will in contemporary psychology]. *Voprosy psikhologii [Voprosy Psikhologii]*, 2014. No. 2, pp. 15–23. (In Russ.).
9. Il'in E.P. Psikhologiya voli [The Psychology of Volition]. Saint-Peterburg: Publ. Piter, 2000. 288 p. (In Russ.).
10. Lamazhaa Ch.K. Sotsial'naia kul'tura tuvintsev i onlain-prostranstvo [Social Culture of Tuvans and Online Space]. *New Research of Tuva*, 2021. No. 2, pp. 115–129. DOI:10.25178/nit.2021.2.10 (In Russ.).
11. Lamazhaa Ch.K. Tuva kak limitrofnaiia zona: iazyk, religii i identifikatsiia naseleniia [Tuva as a limitrophe zone: language, religion and people's identity]. *New Research of Tuva*, 2021. No. 3, pp. 178–194. DOI:10.25178/nit.2021.3.14 (In Russ.).
12. Lamazhaa Ch.K. Osnovnye problem issledovaniia rodstva i rodstvennykh grupp sovremennykh tuvintsev: pasportizatsiia, terminologii i podderzhanie rodstva [The Main Issues of the Study of Kinship and Kin Groups of Contemporary Tuvans: Passportization, Terminology and Maintenance of Kinship]. *New Research of Tuva*, 2021. No. 4, pp. 6–21. DOI:10.25178/nit.2021.4.1 (In Russ.).
13. Leont'ev A.N. Lektsii po obshchei psikhologii [Lectures on General Psychology]. Moscow, Smysl Publ., 2000. 511 p. (In Russ.).
14. Leont'ev D.A. Test smyslozhiznennykh orientatsii (SZhO) [Purpose-in-life test]. Moscow: Publ. Smysl, 2000. 18 p. (In Russ.).
15. Obukhov A.S. Psikhologiya lichnosti v kontekste realii traditsionnoi kulturi [Psychology of personality in the context of the realities of the traditional culture]. M.: Izdatel'stvo «Prometei» MPGU, 2006. 352 p. (In Russ.).
16. Reiting rossiiskikh regionov po kachestvu zhizni – 2021 [Elektronnyi resurs] [Rating of Russian regions on quality of life]. *MIA Rossiya segodnya [Russia Today]*, 2021. URL: https://ria.ru/20220214/kachestvo_zhizni-1772505597.html (Accessed 27.10.2022). (In Russ.).
17. Samba A.D.-B. Retrospektivnyi analiz formirovaniia sotsial'no-professional'noi struktury naseleniia Respubliki Tyva [Retrospective analysis of the development of the social and professional structure of the population in the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, 2022. No. 3, pp. 135–149. DOI:10.25178/nit.2022.3.10 (In Russ.).
18. Shapkin S.A. Eksperimental'noe izuchenie volevykh protsessov [Experimental study of volitional processes]. Moscow: Publ. Smysl, 1997. 140 p. (In Russ.).
19. Shlyapnikov V.N. Relationship between Volitional Regulation and Ethnic Identity. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2019. Vol. 15, no. 3, pp. 83–90. DOI:10.17759/chp.2019150309 (In Russ., abstr. in Engl.).

20. Shlyapnikov V.N. Will: The Lost Link of Contemporary Foreign Psychology. *Eksperimental'naâ psihologîâ = Experimental Psychology (Russia)*, 2022. Vol. 15, no. 1, pp. 72–87. DOI:10.17759/exppsy.2022150105 (In Russ., abstr. in Engl.).
21. Shlyapnikov V.N. Features of Volitional Regulation of Kabardians, Komi, Tuvinians and Russians. *Eksperimental'naâ psihologîâ = Experimental Psychology (Russia)*, 2018. Vol. 11, no. 4, pp. 107–115. DOI:10.17759/exppsy.2018110409 (In Russ., abstr. in Engl.).
22. Shlyapnikov V.N. Faktory volevoi regulyatsii u russkikh i tuvintsev, prozhivayushchikh v Moskve i Kyzyle [factors of volitional regulation in Russians and Tuvans living in Moscow and Kyzyl]. *Voprosy psikhologii [Voprosy Psichologii]*, 2020. Vol. 66, no. 2, pp. 42–56. (In Russ.).
23. Shlyapnikov V.N. Osobennosti samootsenki volevykh kachestv lichnosti u predstavitelei tuvinskogo etnosa [Features of self-assessment of volitional qualities of a personality among representatives of the Tuvan ethnos]. *Aktual'nye problem psikhologicheskogo znaniya [Actual problems of psychological knowledge]*, 2021. Vol. 4, no. 57. pp. 57–67. DOI:10.51944/2073-8544_2021_4_57 (In Russ.).
24. Shlyapnikov V.N. Svyaz' traditsionnogo obraza zhizni i osobennosti sostoyaniya volevoi regulyatsii [The connection between the traditional way of life and the features of the state of volitional regulation]. *Aktual'nye problem psikhologii i pedagogiki v sovremennom mire: sbornik nauchnykh trudov uchastnikov IV mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 04 aprelya 2019 goda [Actual problems of psychology and pedagogy in the modern world: a collection of scientific papers of the participants of the IV interuniversity scientific and practical conference, Moscow, April 04, 2019]*. M: Rossiiskii universitet druzhby narodov (RUDN), 2019. Pp. 151–156. (In Russ.).
25. Ainslie G. Willpower With and Without Effort. *Behavioral and Brain Sciences*, 2020. Vol. 44, pp. 1–81. DOI:10.1017/S0140525X20000357
26. André N., Audiffren M., Baumeister R.F. An Integrative Model of Effortful Control. *Frontiers in Systems Neuroscience*, 2019. Vol. 13, pp. 79. DOI:10.3389/fnsys.2019.00079
27. Baumann N., Kazén M., Quirin M., Koole S.L. Why People Do the Things They Do: Building on Julius Kuhl's Contributions to the Psychology of Motivation and Volition. Hogrefe Publishing, 2018. 433 p.
28. Chatterjee M.B., Baumann N., Osborne D., Mahmud S.H., Koole S.L. Cross-Cultural Analysis of Volition: Action Orientation Is Associated With Less Anxious Motive Enactment and Greater Well-Being in Germany, New Zealand, and Bangladesh. *Frontiers in Psychology*, 2018. Vol. 9, pp. 1043. DOI:10.3389/fpsyg.2018.01043
29. Kuhl J., Keller H. Affect-Regulation, Self-development, and Parenting: A Functional-Design Approach to Cross-Cultural Differences. *In Handbook of Motivation and Cognition Across Cultures*. Academic Press, 2008. Vol. 1, pp. 19–47. DOI:10.1016/B978-0-12-373694-9.X0001-3
30. Quirin M., Robinson M., Rauthmann J., Kuhl J., Read S., Tops M., Deyoung C. The Dynamics of Personality Approach (DPA): Twenty Tenets for Uncovering the Causal Mechanisms of Personality. *European Journal of Personality*, 2020. Vol. 34(6), pp. 947–968. DOI:10.1002/per.2295

Информация об авторах

Шляпников Владимир Николаевич, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой психологии личности и дифференциальной психологии, Московский институт психоанализа (НОЧУ ВО «МИП»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4301-4229>, e-mail: shlyapnikov.vladimir@gmail.com

Information about the authors

Vladimir N. Shlyapnikov, Ph.D. in Psychology, Head of the Department of Personality and Individual Differences, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4301-4229>, e-mail: shlyapnikov.vladimir@gmail.com

Получена 02.12.2022

Принята в печать 01.03.2023

Received 02.12.2022

Accepted 01.03.2023